

СЕРГЕЙ ШТЕРН

КВАРТЕТ КАНДИНСКОЙ

психологический триллер

РИПОЛ КЛАССИК

18+

Сергей Викторович Штерн Квартет Кандинской

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74046482
ISBN 9785386155131

Аннотация

Алиса Кандинская – гениальный психиатр. Изучение осознанных сновидений не только принесло ей славу, но и позволило создать внутри своего сознания четырех собеседников. Этот необычный квартет помогает Алисе ограждать себя от любого влияния и расследовать дела секретной конторы.

Но что, если борьба за контроль над собственным сознанием только начинается? В эти переломные месяцы Алисе предстоит лучше понять свою уязвимость и связь с прошлым – вымышленным и настоящим. Все совпадения с реально существующими организациями случайны.

Содержание

Часть I	5
Часть II	67
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Сергей Штерн

Квартет Кандинской

Автор выражает искреннюю благодарность Марии Чершинцевой, Михаилу Штерну и Юлии Смирновой, без которых эта книга бы не состоялась.

Книга издана при содействии Литературного агентства «Вимбо».

© Штерн С. В., 2025

© ООО «ВИМБО», 2025

© Издание, оформление ООО Группа
Компаний «РИПОЛ классик», 2026

* * *

Часть I

...Имея несчастье в продолжение двух лет страдать галлюцинаторным помешательством и сохранив после выздоровления способность вызывать известного рода галлюцинации по произволу, я, естественно, мог на себе самом заметить некоторые условия происхождения чувственного бреда.

В. Х. Кандинский.

К учению о галлюцинациях. 1880

Волны сшибались друга о друга, как в дурацкой драке. Завели мину под сторожевой турок, но провод оторвался от гальванической батареи. Испарялся в рассвете последний день апреля 1877 года, когда «Великий князь Константин» подошел к Батуму. Три мачты лоснились на весеннем бризе. Минные катера неслись без оглядки, как зайцы от гончих, по мерцающим волнам к спасительному борту. И улыбались матросы с глазами навывкате, и нагло ухмылялись офицеры.

Виктор подумал о своей невыносимой гранитной тоске – какого цвета эта тоска? Светло-серого, как глаза водяных демонов, или розовато-красного, как пенящийся кровавый фонтан?

Еще он подумал, что палуба соединяет звуки – во-круг, снизу и сверху, как дирижер, – и он не может

разобрать голоса в его голове. Их команды и крики превратились в тонюсенькую мелодию. Раньше он зажимал руками уши и напевал – чтобы только их заглушить. А теперь – теперь ему во что бы то ни стало требовалось их услышать. Как можно точнее.

Он подумал: голоса-то в его голове. Они особенные, с них станется и без слов обойтись. Они могут из голосов превратиться в гобелены. Или в запахи. Или даже в молчание – предельно понятное молчание. Стоит перестать вслушиваться – и услышишь. Увидишь, унюхаешь. А может – поймешь, сразу поймешь.

Старпом «Великого князя Константина» ощерился белозубо на врача, младшего ординатора флота его высочества герцога Эдинбургского экипажа господина Кандинского:

– Напортачили ребята, шпарят по миноноскам турки, послал вам Господь дырок штопать сегодня, Виктор Хрисанфович!

А через пять минут Кандинский прыгнул за борт. Не от страха, не от истерики, не от безумия – ему позарез нужно было утопиться.

Когда он тонул, ему показалось, что рядом с ним ввинчивались в пучину четверо незнакомцев. Но после точности голосов в голове тонущие напоминали зыбкий сон. Он не мог удержать в памяти их лица, хотя бы на секунду.

Потом его чудом спасли – чтобы спустя годы выдающейся научной карьеры он все-таки покончил с собой, в этот раз аккуратно и без ошибок. А потом начался XX век. Век синдрома психического автоматизма, названного в его честь. Век варварства и прогресса, век газовых камер и полетов в космос. Век самозванцев и сирот, век срезанных судеб и немислимых надежд.

* * *

Алиса Кандинская взлетела до небес к тридцати семи годам – потом она любила шутить, что это доказательство компатибилизма. Девочка, вяло сопротивлявшаяся очкам от дальнозоркости, стала разбойничьей атаманшей ледяных пустошей академической науки.

Впрочем, она не могла БЫТЬ Кандинской. Кандинской ей предстояло СТАТЬ.

И проще начать отсюда, поскольку легче начинать с того, что закончилось. Не случайно листва кладбищенских деревьев выглядит такой сочной и такой свободной. От старта легче бежать в сторону, противоположную финишу.

Много лет спустя, когда мы с тобой поженились, ты избегала встреч со старшей сестрой – тебя бесило, что когда-то она слишком сильно тебе нравилась. Мне это было понятно, а Юрке – нет.

Но стоило тебе забраться под мокрую от июля простыню, и ты врвалась в мою хрупкую дремоту: ты говорила об Алисином первом кольце: желтом квадрате с нижней дужкой и каратовым разрывом, плещущимся сиянием над золотом тигриных зрачков. Или шептала о тараканьей материнской ласке, забирающейся ломкими ногтями в Алисину шевелюру. Или о сухом кашле тощего безумия Юркиной школьной любви.

Как у Кузмина – «четыре сестры, четыре сестры нас было... А может быть, нас было пять?» Я открывал пьяные глаза навстречу треснувшей балке в темной спальне. И считал, считал – сколько вас? Вроде две. Алиса, Оля.

Ты рычала тигрицей, обманутой в первородстве, и стада маленьких антилоп, заслышав тебя, неслись в испуге вдоль белых дюн простыни. А когда сон покидал меня на мгновение, я переворачивался на другой бок, лицом к тебе, и обнаруживал, что ты давно спишь.

Когда Алисе исполнилось семь, ее отец, Павел Иванович Дроздов, разбудил дочь очень рано и повел на Москву-реку.

Дроздов часто втолковывал супруге Марии Николаевне: не перебарщивай с серьезным, серьезного должно быть мало, иначе никто не воспримет всерьез. Но ваша мать пропустила все мимо ушей в отличие от Алисы. Дети хорошо запоминают слова, подтвержденные поступками.

И тем пасмурным утром Алиса, еще на пути к набережной, своими зелеными глазами фиксировала каждую букву мира. Она превратилась в объектив камеры. Общий план, деталь, узкий фокус. Переключаясь с одного на другое, Алиса остановилась на потрепанном бульдоге, волочившемся за мальчиком в свитере с дыркой у ворота. Мальчик спал на ходу, сжимая в руке бесполезный ошейник, и, сбиваясь с шага, начинал крутить головой в поисках собаки. Но бульдог неизменно оказывался прямо под ногами, поэтому мальчик находил его не сразу.

Алиса подумала, что мальчик похож на фонарь маяка на вершине темного утеса, с обложки книжки о пиратских сокровищах. На обложке был нарисован белый луч, режущий бурные волны. Маяк искал заблудившиеся в ночи корабли. И Алисе казалось, что корабли обменивались с утесом слепотой – луч возвращал зрение рулевым, отбирая его у хра-

нителя маяка. Старый бульдог лавировал по улицам, словно парусник в потоке невидимого света.

Отец с Алисой спустились по бетонным ступенькам к самой реке и сели на мокрую скамейку. И Павел Иванович начал тихо рассказывать дочери первую важную историю ее жизни. Она будто на время оглохла – как ослеп маяк на утесе. А потом звук вернулся, и с ним вернулась неторопливая речь отца:

– ...когда закрыли Нерчинский детдом, ребятишек распределяли по всей области. Знаешь, где Чита? Чита в Сибири, далеко. Но как-то так вышло, что двух девочек-сирот отправили в Москву. Тебя в том числе. Ты совсем маленькая была. Сколько? Ну, годик с небольшим. И совершила такое огромное путешествие на поездах через весь Союз. А у нас с мамой детей сделать не получалось, хотя мы старались, я разные лекарства доставал маме из-за границы. И мы решили взять ребеночка из детдома.

Алиса спросила:

– Сирота – это когда сама родилась, без мамы?

Отец улыбнулся:

– Сама не родишься. Но если мама тебя решила не забирать или умерла после родов, а папа маму бросил, например, или погиб, как на войне, – тогда тебя из больницы отправляют в детдом. И ты – сирота.

– Значит, им пришлось меня родить? – уточнила Алиса. – Но потом я им не понравилась, и они умерли?

– А может, они тебе не понравились. Какая разница.

Дальше Павел Иванович рассказал, что сразу решено было брать девочку, потому что ему хотелось дочку, а мама хоть и думала про мальчика, но чувствовала себя виноватой, что не может сама родить, и согласилась. И они нашли Алису практически в один присест – с первого же визита в детдом в Новых Черемушках. Оставалось только бумаги оформить.

А кто ее бывшие мама с папой? Алиса всегда была, что называется, «по делу». Никаких как, зачем, почему и слезок. Павел Иванович за это дочку и любил, и доверял ей. Раз ей семь исполнилось, она достаточно взрослая, чтобы знать все как есть.

Он сказал, что запрашивал загсы в свое время в Нерчинске и Чите через знакомых по институту. Загсы – это где записывают любые важные события о людях. Получил информацию об отце Алисы – некто Иванов Василий Архипович, родился в 1930-м, умер в 1987-м, работал водителем автобуса. Про ее мать в записях ничего не значилось.

– А вам я по-настоящему дочка?

– По-настоящему.

* * *

Последние иногда становятся первыми довольно странным образом. Ты родилась через год после того, как твои удочерили Алису. Видимо, лекарства в итоге помогли. Ты

стала первой родной дочерью. Тебе отец ничего рассказывать про Алису не собирался и матери тоже запретил. И очень напрасно – ты ему этого так и не простила.

* * *

Мы целовались утром в ванной. То есть ты давала целовать себя в шею и между лопаток, пока чистила зубы. И вдруг ты пожаловалась, что тебя даже не пытались отдать в музыкальную школу.

В доме у сестер много общего – комнаты, кровати, шкафы, куртки, шапки, трусы, колготки, пластинки, книжки, репетиторы, помада, родственники, новогодние подарки, отцовская щетина, замечания в школьных дневниках, наказания, тайны и даже слезы. Но белый рояль «Блютнер» с золотыми педалями к общим вещам не относился.

Я помню, как ты повернулась ко мне, как побледнело твое лицо, как потемнели глаза. И в ванной словно погас свет, и, если бы не приоткрытая дверь в спальню, я бы потерял тебя из виду. И я вцепился в тебя руками, я шарил как слепой котенок по твоей ночнушке, по тонким плечам, прижимался губами к твоей маленькой груди, вдыхал, словно утопающий, запах твоих волос и твоих подмышек.

Стоило тебе сказать слово – и я бы накинул пальто на голое тело, выскочил во двор, прыгнул в свою «шестую», вдавил педаль, оставив ключи зажигания в замке, нырнул в

подъезд твоих родителей, стучал им в дверь, а когда бы мне открыл Павел Иванович – молча ринулся в гостиную, уперся рукой об стену и бил ногами по золотым педалям белого рояля, пока бы не отломал.

* * *

Павел Иванович был знаменитым неврологом в Союзе, завкафедрой и будущим академиком. Квартира в Хамовниках, дача в Малаховке. Алису он полностью устраивал – кого волнует дурацкий Иванов, давно умерший в Чите?

А вот с приемной мамой, Марией Николаевной, было сложнее. Нет, она Алису любила, растила и все такое, но сама казалась какой-то призрачной. Тихий голос, хлипкое здоровье. Летом грядки с ремонтантной клубникой, зимой засолы в банках. Вялая блеклая женщина, умудрившаяся состариться к сорока годам в абсолютно счастливом браке и умереть от тромба в одно мгновение, когда вытирала тарелки.

Алисе исполнилось в том году шесть, она пошла в школу, мать ее собирала – банты, форму тогда уже отменили, букет гладиолусов. А в четвертый класс ее пришлось собирать отцу – летом Марии Николаевны не стало.

Девочки в школе серьезно обсуждали, как теперь ее отцу быть. Все с опытом, у половины родители развелись или не расписались. Женится опять или нет?

Алиса принадлежала к тому редкому виду отличниц, ко-

торых уважают, которым не надо избегать других, с которыми хотят дружить все, включая коротышку хулигана Решкова, – от него вечно воняло, и никто не хотел сидеть с ним за одной партой, но она знала, что Решков живет один со слепой бабушкой и стирать ему некому, и когда одна из этих напроць теперь забытых подруг, Анечек или Леночек, надела ему на голову описанный мешок из-под сменной обуви, Алиса сказала ей, что теперь Анечка (или Леночка) будет стирать Решкову одежду, – просто сказала, а та просто послушалась.

Алиса знать не знала, хотел ли отец еще раз жениться, – ее это не очень интересовало. Конечно, ей было не наплевать, но она была в отце уверена – он все сделает правильно. Плюс у нее с Павлом Ивановичем был План – именно так, с большой буквы. Они в этом Плане все расписали – занятия учебной, книги, спорт, музыка, ничего не забыли.

К пятому классу мальчикам, желающим за ней ухлестывать, приходилось искать лазейки в довольно напряженном графике – между уроками пианино, занятиями языками и восточными единоборствами (никаких карате, чтобы не портить руки, – только джиу-джитсу).

А жизнерадостный Юрка Демин все-таки нашел подход – он пригласил Алису домой, сказав, что у родителей очень крутая библиотека. И не соврал – библиотека была внушительной, а его импозантная мать занималась не абы чем, а психоанализом! Хотя в середине девяностых в Москве это было скорее модой, чем профессией.

Тем не менее у Юры дома Алиса прочла (с собой книг не давали никогда – такой читальный зал) Фрейда, Блейлера, Юнга, Берна, Бека, Лакана, Бехтерева и остальных. Плюс к этому у Юрки всегда водились наличные, и за счастье ее лицезреть ему приходилось расплачиваться в книжных на Кузнецком Мосту, Новом Арбате и Тверской. Скорость чтения у Алисы зашкаливала еще тогда – за ночь могла освоить целую книгу и потом идти в школу.

При выборе вуза трений с Павлом Ивановичем не возникло – Первый мед устраивал обоих. Но в последнем классе случилось то, чего отец предвидеть не мог, – круговерть Алисиных успехов застала даже его врасплох. Он понял, что их План (тот самый, с большой буквы) стал теперь исключительно ее Планом. И Павлу Ивановичу стало невыносимо горько – словно дочка ему досталась только на время.

Алиса о чувствах отца не думала и, вероятнее всего, не имела о них ни малейшего понятия. Ей исполнилось восемнадцать, и, приступив к чудесам в институте, она параллельно занималась какими-то делами, но его в них не посвящала. Спустя еще год Павел Иванович ошарашенно изучал престижный французский научный журнал с дочкиной статьей о символизме в предсознательном, а на третьем курсе она выиграла международный конкурс пианистов в Лейпциге и заявила ему, что с музыкой завязывает – чтобы посвятить себя теоретической психиатрии.

Настоящий конфликт случился в день ее двадцатилетия:

Алиса пришла домой с новым паспортом, в котором значилась фамилия Кандинская. Впрочем, и конфликт вышел односторонним – Алиса честно не понимала, из-за чего весь сыр-бор.

* * *

Каменные иглы страхов наших отцов. Единственная дверь без замка, и звенят ключи в глубоких карманах бессмысленности, а потом усталый сухогруз ждет, пока его отцепят от буксира и... – и что дальше? Не случайно лебединую песню метафизики можно запросто принять за волчий вой. Удивительная важность наследства, которое не хотят передавать и боятся получить.

* * *

Твоей сестре все легко давалось. Но ты-то прекрасно знала, что никому на самом деле сложное легко не дается. Ты злилась, потому что Алиса сильная, умная и не боится ничего и никого. Ты ошибалась, моя милая, но откуда тебе было знать?

Однажды ты мне рассказала свою историю со страхом.

Лет в десять ты пришла к отцу в мастерскую. Павел Иванович обожал возиться со старыми часами. В тот раз в ма-

стерской он сидел не один – у вас гостил его брат. Подождав, пока отец отложит в сторону разобранный брегет с оловянным корпусом, тихим, но четким голосом ты сообщила ему, что один из мальчишек в школе плюнул тебе в лицо. Ты, как и Алиса, никогда не плакала, но отец всегда видел, когда его вторая дочь на взводе, – ты в такие моменты переставала моргать.

– Я уже три раза дралась, я не трусиха. А он все равно плюнул в меня.

И тут ты неожиданно услышала голос дяди:

– Паш, дай мне с племянницей поговорить.

Павел Иванович не проявил особого воодушевления, но и возражать не стал, просто вышел из мастерской – все равно приближалось время семейного обеда.

Дядя посадил тебя к себе на колени и заговорил тихим голосом, напоминавшим отцовский:

– Оля, тебе не нужно все время драться, чтобы тебя не обижали. Драться вообще не стоит – только когда нет другого выхода. Чтобы тебя не обижали, нужно совсем другое.

– Что?

– Нужно, чтобы тебя боялись. Тогда драться не придется.

– А как сделать, чтобы меня боялись?

– Сделать одному очень больно, чтобы остальным было очень страшно.

Ты не спросила дядю, как именно наказать придурка. Даже в большей степени, чем Алису, тебя интересовала толь-

ко суть, с деталями ты управлялась прекрасно. Поэтому ты спросила другое:

– А как им должно быть страшно?

Дядя ответил:

– Очень. Так, как не было никогда в жизни. Помнишь дедушку Митю из Липино? Он очень добрый, верно? Но иногда, если не было другого выбора, – дядя сделал ударение на последних словах, – дедушка совершал жуткие вещи. На которые способны только деревенские, понимаешь?

Весь вечер ты провела во дворе с Байдаром, щенком кавказской овчарки, которого тебе подарили родственники Марии Николаевны из Нальчика. На следующее утро ты пришла с ним в школу и, незаметно оставив пса у входа на спортплощадку, подошла к группе мальчишек, которой верховодил твой обидчик.

Ты спросила его, не хочет ли он перед тобой извиниться, – тебя подняли на смех. Тогда ты спросила – не хочет ли он плюнуть в тебя еще раз. «Да запросто!» – сказал он. И плюнул. Через секунду Байдар впился ему в пах.

Дети в ужасе смотрели за тем, как мальчик в слезах умолял тебя убрать с него пса. Но по-настоящему страшно им стало тогда, когда ты еле слышно что-то произнесла на неизвестном им языке, пес сомкнул челюсти, и мальчик завопил так, что стало слышно на верхних этажах школы, а штаны его побурели от крови...

Никто ничего доказать не смог – ты растерянно объясни-

ла директору школы, что Байдар бросился тебе на помощь и что ты пыталась его отозвать, но не вышло, и что тебе очень жаль. Но те, кто видели твои неморгающие глаза и то, как ты смотрела на своего врага, – им не нужно было ничего объяснять. Тебя, мою будущую супругу, больше в школе никто не трогал.

Родителям твоим позвонили, конечно. Ты думала – отец тебя накажет. Но Павел Иванович даже слова тебе не сказал. Зато, видимо, что-то сказал вашему дяде – он следующим же утром уехал.

Я спросил:

– А что, старшая сестра не вступалась?

– Нет, она же в другой школе училась, – сказала ты насмешливо, – для одаренных.

* * *

Сумеречные части жизни, когда ведутся самые дикие поиски, ищутся ответы на незаданные вопросы, совершаются глухие дела, теряющиеся в падении миражей. Человек ищет настоящее имя, не доверяя записанному имени. Кто сказал человеку, что такое настоящее имя вообще есть? Кто сказал, что настоящее имя склеит раскиданные части, вдохнет жизнь в пугающую неодушевленность? Днем на глазок, ночью на ощупь, а в сумерках – качанием веток, хлопаньем крыльев, скрипом ступеней. Выползки сердца в растворяю-

щейся тьме, среди дрожащих очертаний и плывучих песков. Как будто расплавившаяся смола перегретого желания течет между корней, травинок и арматуры. Сумеречные части – идеальное укрытие безвременья для интима сброшенной кожи. Разбросанная ветром зола потухших сомнений, серебристый пух полыни – условный знак для тайного randevu мертвецов с живыми. И первые обретают новых потомков, а вторые – новых предков. В сумерках сшиваются раны одного незнакомца с другим незнакомцем, и выливается в землю кровь прежнего родства.

* * *

Обычно Алиса легко прогнозировала реакции людей на свои поступки, но с отцом у нее не вышло. Павел Иванович страшно обиделся на новый паспорт, накинул куртку, хлопнул дверью и уехал колесить по городу – он всегда так делал, когда злился и не мог с собой справиться. А она всего-то хотела устроить сюрприз.

Началась же история с фамилией ровно в тот памятный день на Москве-реке, когда отец просветил ее, кто такие «сироты».

В районной библиотеке Алиса отрыла невесть откуда взявшуюся там книжонку о Нерчинске. Из нее она узнала о тамошнем роде Кандинских и о том, что один из представителей династии считается родоначальником важного направ-

ления в международной психиатрии. А уже в Большой медицинской энциклопедии, дома, прочитала о нем статью. Кандинский Виктор Хрисанфович, 1849 года рождения, чьим именем назвали синдром Кандинского – Клерамбо. Куда более известный художник Кандинский, вышедший из того же семейства, ее абсолютно не интересовал.

К двадцати годам Алиса уверила себя, что через биологическую мать является побочной ветвью династии и потомком легендарного психиатра, который, страдая галлюцинозным синдромом, тем не менее сумел свою болезнь обратить на пользу мировой науки. Даже отыскивала какие-то подтверждения и какие-то доказательства. Любопытно, что ни тогда, ни позже искать других потомков Кандинских она не собиралась.

А вот Виктор Хрисанфович ей требовался целиком – по крови, по связи, по чертам, по легенде, по болезни. Последняя, возможно, играла главную роль – как враг, необходимый для триумфа будущих побед. Отныне она твердо собиралась нести корону Кандинских с целью прославлять ее в рамках своих возможностей – впрочем, само наличие таких рамок вызывало у Алисы здоровый скепсис.

Алиса подумать не могла, что отцу будет настолько обидно – он же о ее биологической матери ничего не нашел, а она – нашла. Вечером, когда он, намотав километры на счетчик, вернулся – мрачный, помятый, с букетом роз к Алисиному юбилею, – она даже предложила еще раз переделать паспорт

и внести туда двойную фамилию – отца и Кандинского. Но Павел Иванович покачал головой и сказал: «Алиса, моя фамилия в дефисах не нуждается, раз она тебе не годится – так тому и быть, дочь». После чего основательно надрался – что случилось с ним крайне редко.

Ей было очень неловко, примерно неделю. Она извинялась перед отцом еще не раз, пока была возможность, а потом, экстерном окончив институт, умчалась на стажировку в Сорбонну, раздобыв какой-то грант благодаря своим статьям. С Павлом Ивановичем она теперь созванивалась по праздникам и семейным датам. А в Москву вернулась уже доктором наук, готовая к созданию новой, собственной легенды в этом городе, падком до легенд и статусов.

К тридцати семи годам Алиса Кандинская занимала место во всех возможных ученых и экспертных советах, вела собственный курс в университете, выпустила с десятков научных монографий, стала почетным доктором в Принстоне и в Чикагском университете, числилась членом-корреспондентом РАН и при этом отбивалась от предложений стать полноценным академиком. Она обзавелась в том числе и практикой – ее клиентуре могли позавидовать в Администрации Президента (кроме тех работников администрации, которые в этой самой клиентуре состояли).

Каменные иглы страхов наших отцов. Тяжелые и ломкие. Хуже пуль, хуже ножей, хуже осколков. Ты, моя дорогая, никогда этого не понимала.

Отцы для дочек важнее, чем матери – для сыновей. Дочкам хочется любить отцов так, как их никто до них не любил. Но им кажется, что у них не очень получается. Из-за этого они быстро учатся обижаться, плакать, ревновать, требовать и ласкаться.

Отцы для дочек важнее матерей, поскольку с матерями обижаться, плакать, ревновать, требовать и ласкаться ничего не стоит и ничем не грозит. С матерями любая ошибка поправима. Матери – не более чем собственное отражение в зеркале будущего.

Сыновьям от матерей нужна только жалость. Дочкам от отцов нужно все. Даже то, чего у отцов нет. И если чего-то не достается – дочери начинают бесстыдно заглядываться на других отцов, реальных или выдуманных. А своего либо винят во всех смертных грехах, либо просто теряют к нему всякий интерес.

У Павла Ивановича не было сыновей – только дочери. И еще младший брат, из конторских. Когда ты объявила, что поступаешь в их Академию, отец сначала тихо орал на тебя (громко не умел), потом тихо орал на брата, потом пытался

тебя отговорить (еще тише), потом умолял это сделать брата. Твой дядя, не уступавший Павлу Ивановичу в мудрости, резонно отказался – мол, Оля в контору собралась исключительно для таких вот отговоров. Зачем же баловать – пусть идет просто так. Способ научиться ответственности не хуже многих других.

Мы с тобой сойдемся много лет спустя, по идее на всю жизнь, пока смерть не разлучит и так далее. А с Павлом Ивановичем я успею породниться от силы года на два.

Ты мне сказала, еще до свадьбы, что Павел Иванович из той редкой породы хороших отцов, которых дети любят сильнее, чтобы потом бросать было легче.

Наверное, мне стоило промолчать, но я не удержался:

– Олька, может, вы с Алисой из той частой породы детей, которые лишены чувства благодарности? И которым плевать на семью?

– Может, и так, – усмехнулась ты. – Только родителям твоя благодарность даром не сдалась. Им подавай тебя самого. Такая типа пуповинка на всю жизнь.

* * *

Бродит нелепая радость по земле, и люди не знают – что с ней делать? Ищут причины, ищут поводы. Глупцы, одним словом. В том, что касается бродячей радости, – кто из нас не глупец?

То ли дело – печаль. К ней, в отличие даже от грусти, мы всегда готовы, как пионеры. И вообще, скорее не мы печалимся, а печалятся нами.

Алиса, когда была маленькой, класса до пятого любила играть сама с собой в игру: выйти на улицу и моментально решить – радость или печаль? А дойдя до школы, нужно было придумать – конечно, исключительно таинственными намеками и глубокомысленными подсказками – причины и поводы для любопытствующих подружек.

* * *

Павел Иванович лежит, и ему кажется, что из него выползают блестящие провода и ощупывают громоздкий аппарат с экранами и датчиками. Еще немного, и он станет частью машины. Странно, что ничего не болит. Он прислушивается к собственной дряхлости, как будто надеясь отыскать боль, как будто боясь ее проморгать.

Он спрашивает себя: ну что, финита ля комедия, приехал Дуров? Или айболиты ошиблись? Разобраться не могут и на всякий случай на тот свет отправляют. Ингушу этому больше тридцати лет не дашь, мальчишка с гонором. Может ошибиться? Может. Все ошибаются.

Еще буквально два дня назад смерть запомновала о его существовании. А теперь она караулит за дверью, и у нее кончается терпение.

В глубине души он знает – ошибки нет, скоро все закончится. Дочки не успеют, и слава богу. Дадут помереть спокойно. Правильно, Пашут? Никого не осталось, кто звал его Пашутом. С легкой руки директора приклеилось, еще в институте.

Опять вернулось тревожное чувство, что времени кот наплакал и надо все успеть. Только вот успевать ему особо нечего. Дочки взрослые, денег с запасом, бумаги в порядке, у брата, прощание – пустая болтовня, собороваться вообще смешно. Он всегда предпочитал общаться напрямую с первыми лицами, так что и с Богом разберется сам, когда на прием попадет. Вроде полагается думать о чем-то важном в эти часы, то ли итоги подводить, то ли готовиться к неизбежному. Но и это не про него – он терпеть не может гонять мозги вхолостую. Итоги пусть другие подводят, если им нужно. Готовиться без толку, когда не знаешь к чему.

Который сейчас час? В реанимации окон нет, и как понять – уже ночь или еще только вечер? Внезапно он слышит свой голос, как бы со стороны. Он говорит Маше, своей покойной жене: скоро увидимся. Он впервые общается с ней с того самого дня, когда в последний раз видел живой, с ее непередаваемым выражением смешной серьезности на лице.

Маша, шепчет он. С дочками не так все вышло. Скоро мы увидимся, я все тебе расскажу, и ты меня за все простишь. А если нет – ну что ж, не привыкать.

Московский снег вылетает из темных небес косыми пунктирами, над крышами Хамовников ветер ломает эти идеальные линии, вышибает снежинки в углах и пересечениях сероватой кристаллической решетки. Потом, спускаясь вдоль коричневых и светло-желтых фасадов, снег превращается в сплошной бедлам – завихрения, метания из стороны в сторону, стук полыньи об заиндевевшие окна, горящие навязчивым утром в медвежьей тьме декабря. И наконец внизу сверкающие квадратные ножи звенящих лопат собирают его, как пыль уставших комет, и ссыпают в аккуратные могильные холмики у подъездных дорожек.

Маленькие дети не любят одеваться, даже девочки, даже твоя старшая сестра. Особенно зимой. Павлу Ивановичу нужно сначала закинуть Алису в ее спецшколу, потом тебя в обычную и успеть в НИИ неврологии на Волоколамке к началу рабочего дня. Но Алиса, хоть и маленькая, успела посмотреть на термометр – в столице при минус тридцати дети могут в школу не ходить – и доложила родителям.

Мария Николаевна уверена, что показания пузатого термометра за окном не в вашу пользу. Но Павел Иванович, естественно, голосует за минус тридцать. И ты, довольная тем, что можно не одеваться, – поймав интонацию отца раньше, чем смысл его слов, и выражение лица матери раньше

ее слов, – бегаешь по квартире и кричишь: ура, ура! Ты держашь старшую сестру за руку, чтобы она поделила с тобой морозное веселье школьной отмены, но она лишь морщит нос и гордо шагает к роялю.

* * *

Когда его зашел проведать тот самый ингуш, молодой врач решил, что старик спит и говорит во сне. Ну, или бредит. Он пытался уяснить слова пациента, но сперва у него ничего не выходило.

На самом деле Павел Иванович рассказывал вам (не успевшим приехать) историю, приключившуюся с его братом.

– От Читы километров... Конторские нагрянули... Давно, в застойные времена... Маленькая деревушка. В серьезном составе – пара майоров из Второго и группа из Реагирования. Давно, давно. Деревушка называлась... В серьезном составе, да. Среди болот, осенью вообще по земле никак. От Читы километров... В застойные времена еще...

Дроздов перевел дыхание, бросил пустой взгляд на врача, не замечая его, потом продолжил:

– Конторские нагрянули... Брат рассказывал. Давно еще... От Читы километров...

Павел Иванович умолк. Врач на автомате взял его запястье, засек по часам, чтобы пульс померить. Его в инсти-

туте учили перепроверять приборы.

Потом врач мягко поинтересовался:

– А дальше? Зачем они туда приехали?

– Дальше... ну да, в таком серьезном составе... За вашим дядей.

– Чьим дядей? – удивился врач. Он же не знал, кому ваш отец все это рассказывает.

А Павел Иванович не понимал, что его дочерей в палате нет. И вспоминал, глядя сквозь врача:

– Да, за вашим дядей. В серьезном составе. Но не только за дядей, еще за его связной. Японочкой. Давно, давно... Говорил, красивая была. Второе от источника получило... В застойные времена. В серьезном составе нагрязнули...

Врач-ингуш рассеянно улыбнулся, чтобы скрыть свой интерес. Он был в курсе, кто такой Дроздов Павел Иванович. И вот знаменитый невролог травит шпионские байки – любопытно. Плюс к этому, судя по деталям, – не фантазирует.

– Так что там со связной было?

– Красивая была. Дядя ваш с ней в этой деревушке встречался. Иногда они... В таких случаях японочка снимала комнату у местного столяра. Старый, из настоящих мастеров. И вот конторские заявляют... От Читы километров... Два майора из Второго... Брата моего нет, ушел. Никто не видел – когда, куда. А связная на месте, у столяра. Обед готовит. Брат от него потом и узнал, как дело было.

Павел Иванович почувствовал озноб, но озноб практиче-

ски сразу прекратился. Врач ничего не заметил. И Дроздов продолжил:

– Ну, они заходят, культурно всё... Хотя в деревне уже разошлось – конторские, шпионов ищут. И они к ней с допросом. А она им в ответ – нашли его? Те отвечают – найдем. Главное – тебя, дорогуша, нашли. Да, серьезным составом... Из Второго двое... Давно.

Павел Иванович терял нить истории. Но врачу хотелось дослушать. И он громко спросил:

– И что конторские?

Ваш отец пришел в себя и даже немного оживился:

– Да, конторские нашли ее сразу. Дядя ваш ушел, а ее – нашли. И допрашивать собираются. Говорят – главное, тебя нашли. А его, мол, потом. Столяр тот сидит в углу скромненько, вроде как не его дела. Мастерит чего-то. И вдруг поворачивается к майорам и заявляет – ошибаетесь, товарищи. Те в ответ – у нас в организации, дедушка, не ошибаются. А столяр – ну, значит, вы первыми будете. Майоры хмурятся – вы, гражданин, идите прогуляйтесь лучше. Не мешайте работе следственных органов. Столяр встает и говорит – да за ради бога. Идет к двери, оборачивается – и спрашивает: знаете, как коромысло делают? Японочка улыбается втихомолку, а конторские уже на пределе. Какое, к чертям, коромысло? Обычное – говорит столяр. Русское, дужкой. Один из майоров – ну? Столяр объясняет – только-только весна начнется, когда еще снег не сошел, режут досочку березовую,

распаривают хорошо, гнут, поверх жестянку гвоздиками, ну и крючки для ведер. И, посмотреть, вроде дело немудреное, а вроде как – и чудо чудесное. Правилу важному учит, если голова на плечах имеется. Тут один из майоров тоже встает и строго уже смотрит. Столяр извиняется – простите, если что не так, товарищ майор госбезопасности. Помочь вам думал. Майор – что за правило? Умное правило – говорит столяр. И простое. Такое вот правило – два ведра нести можно, а одно ведро – нельзя. И выходит за дверь. Давно, давно. В застойные времена. Деревня называлась...

Павел Иванович рассмеялся и тут же почувствовал, как во рту пересохло. Врач налил воды в стакан, напоил старика, расправил одеяло, бросил взгляд на приборы. И мягко спросил:

– Павел Иванович, а суть-то в чем?

Дроздов с закрытыми глазами еле слышно ответил:

– Во Втором дурней тогда не держали, не знаю, как сейчас. Толку им от связной без брата не было никакого. И наоборот – от брата без связной тоже. Поэтому она и не ушла вместе с ним.

Потом с трудом поднял голову, оглянулся и тронул врача за рукав:

– А куда дочки мои делись? – Только тогда заметил, что вас в палате не было.

Ингушу стало неловко:

– Павел Иванович, они еще не доехали. Алиса Павловна

мне звонила, сказала, что уже недалеко.

И тогда ваш отец произнес последние слова в своей жизни:

– Первая дочь от меня отделаться хотела, вторая дочь мне первую не простила. Вот тебе и коромысло классическое.

Через два часа Павел Иванович Дроздов умер от инфаркта. Молодой врач все-таки ошибся, доверяя приборам, – с кем не бывает?

* * *

Кандинская сидит в своем высоком доме в Ильинском, за окном зимняя хмарь. У нее мало секретов, и она жалеет, что одним из них не стала делиться с отцом. Он всегда к ней с уважением относился, с ранних лет. Надо было ответить тем же, рассказать ему то, что не знает никто, кроме Четверых. Надо было ему рассказать, что она ждет свою болезнь, свой синдром Кандинского – Клерамбо, что синдром не за горами. Что она уже пару раз, мельком, видела тень желанного безумия. Что она готова принять вызов.

Да, имело смысл с ним поделиться. Он же все-таки был ей отцом. Лучшего отца и пожелать нельзя. Но поделиться по-настоящему можно было только с тем, кто прыгнул с палубы в апреле 1877 года. С младшим ординатором Кандинским флота его высочества герцога Эдинбургского экипажа.

В больших семьях похороны оборачиваются расставанием не с мертвыми, а с живыми. Смерть собирает семью вместе – только для того, чтобы жизнь опять всех разлучила. Жизнь состоит из маленьких утрат, без похорон и могил. Бывшие сестры, бывшие братья, бывшие мужья, бывшие жены. Порой – бывшие родители и всегда, всегда – бывшие дети. Пройдет несколько дней, и все разъедутся по домам. С глубины души поднимется муть, счастливая или нет, и потом будет оседать в одиночестве – когда все разъедутся. Жутковатая иллюзия родства, которая достовернее самого родства.

Ты бы сказала – Сереж, и похороны должны быть не абы чьи, и семья должна быть семьей. Ты бы сказала – в нашем случае это одни конкретные похороны. Ты бы сказала – остальные у нас умирают без семейных сборов. Но вот удивительно – сама ты на похороны отца не поехала. Сказалась больной и сидела дома. А у меня было четкое ощущение, что ты была с нами на кладбище, и на поминках, и на его даче, где мы коптили рыбу в фольге и запекали баранью ногу в тандыре, и куча детишек бегали вокруг клумбы с редчайшими турецкими черными розами, а их матери пытались следить каждая за своим или своей, но дети сливались в одну сплошную пеструю круговерть.

Январский день сыплет неслышными хлопьями солнца, и линия электропередачи поет в унисон сугробным искрам. На отшибе, впритык к сгущенке ельника, расположился дом с башенками и черепичными скатами. Вокруг дома участок в пару гектаров за невысоким деревянным забором. Напротив леса поле, за которым виднеется шоссе. К дому есть подъезд по бетонке, вдоль кромки кустарников. Но есть и протоптанная тропа, льющаяся напрямик. По этой тропе к дому направляются мужчина постарше и женщина помладше.

Я знаком с Юркой с раннего детства. С бледного фонарного пятна перед вторым подъездом тридцать девятого по улице Академика Ильюшина. С тех сумерек, в которых топорщились заледеневшими воротниками два мальчика из благополучных семейств, ожидая положенного момента для возвращения к теплым материнским кухням. А перед нами чернел пугающий двор с его обитателями. Голодные шакалы, мордатые грифы, коварные медведи. Иногда эта гниющая живность подходила близко к тусклому кругу света у подъезда и разевала пасть на наши шапки с помпонами. И мы молча прижимались к входной двери.

Дети по-разному оправдывают ожидания. Одни – по родительскому плану, другие – по Божьему. Юрка из первых. Теперь он сам похож на упитанного гризли. Топает с юной

подружкой, загребая мокрыми кроссовками снежную пыль. Лица у обоих помятые, глаза красные от недосыпа, но настроение хорошее, и они рады морозцу, от которого краснеют щеки и уши. Юрка почти уверен, что спутницу зовут Наташей. Она весело кричит:

– Даже спать расхотелось!

– Ну, это на свежем воздухе. Сейчас в тепло попадешь – и свалишься грецким орехом.

– Орехом? Почему орехом?

– Так говорят.

– Подожди!

Наташа останавливается, рыскает по карманам пуховика, находит пачку тонких сигарет и зажигалку. Закуривает и смотрит на дом, одновременно с любопытством и тревогой:

– А ее точно сейчас нет?

– Точно. Завтра только приедет.

– Ты ж рассказывал, она домоседка?

– Позвали в Барвиху Новый год десятый раз праздновать.

Юрка жмурится от яркого солнечного света. И тут же проваливается в сон – то есть в прошлую ночь. В оранжевые звезды апероля, в жаркие объятия незнакомцев, в чьи-то одинокие лодыжки перед стойкой диджея, в чьи-то хищные очкастые монологи, в чей-то хрустальный смех, за которым невозможно разглядеть ничего, кроме расширенных зрачков. Бармены напоминают лошадей в мыле, в туалете бледное пятно от лампочки, точь-в-точь как перед подъез-

дом на Академика Ильюшина. Вот он вышел покурить, и на холоде даже безмолвный кивок тонет в сизом паре. А огню в груди тесно от пуговиц, и нужно все расстегнуть, очистить себя, как луковицу, под слепым взглядом далекого маяка.

Он видит, как в тумане реального начинают проступать линии, профили, колонны, фронтоны, арки, ступени, ниши. И в главной нише, за спинами лошадей с татуированными крыльями, выбивающих копытами конфетти чеков, сигналами морзянки сверкает целая флотилия бутылок. Словно разноцветные переплеты в родительской библиотеке, словно хор созвездий и галактик. Словно бесконечные запасы людских историй – по цене бокала. Одна из них выпускает нежные щупальца и меняет свой цвет на его цвет, как ласковый хамелеон. И когда в следующий раз он решит крикнуть слова из песни – он крикнет их ее голосом.

Наташа будит его, пытаясь обойти, – но тропинка слишком узкая. Они продолжают путь. Наташа дымит сигаретой и семенит вслед за ним. Она оглядывается:

– Все равно неудобно как-то.

Юрка усмехается в ответ:

– Не волнуйся. Одна из немногих привилегий единственного друга – иметь собственный ключ.

– У тебя свой ключ?

– Конечно. А ты думала, мы через окно влезем?

– Я думала, типа под ковриком оставила.

Юрка смеется:

– Вряд ли. Ты на забор не смотри, что хлипкий, – хоть охраны и нет, но камеры везде.

Они входят в открытую калитку, идут к главному входу с крыльцом, поднимаются. Юра открывает два замка, оборачивается и не сразу узнает Наташу – странно падает свет, рот распахнут от восхищения. И кажется, что ее волосы стали светлее, шея тоньше, а голос похож на его голос.

– Красивый дом!

– Спасибо!

– За что спасибо?

– За похвалу! Я же его спроектировал.

– Да ты что! – изумляется Наташа. – То есть ты на самом деле архитектор?

* * *

Оля, мое незаслуженное счастье и моя незаслуженная беда! Мое укрытие от пустоты и одиночества.

Люди, занимающиеся законными убийствами, делятся на три категории. Психопаты, которым достаточно насилия, – до тех пор, пока ими не овладеет скука и не потребуется больше насилия. Солдаты, ставшие солдатами, чтобы поскорее закончить поиски себя и своего места в жизни. И профессионалы, занимающиеся нелюбимой работой и мечтающие о любимой женщине. Я – из последних.

Завоевать тебя казалось немислимо, проще было застре-

лить. Оставалось надеяться, что ты решишь меня достойным завоевания. Или, еще лучше, просто возьмешь к себе, без драм, стратегий и хитрости.

Но подтвердилось очередное жизненное правило – будущее может быть любым, кроме тех вариантов, на которые закладываешься. И ты влюбилась в меня раньше, чем я отважился влюбиться в тебя.

Одним осенним утром мы приехали из клуба ко мне домой. Не успел я налить нам выпить, как позвонили из Реагирования, и мне дали сорок минут добраться до базы в Жуковском. Пока я переодевал штаны и вытаскивал всегда собранный рюкзак из потайного ящика на кухне, ты молча наблюдала за мной из гостиной. Но стоило мне начать обуваться, как ты кинулась мне на шею и стала выпаливать слова со скоростью пулемета. Слова были горячие, словно гильзы, и рикошетили о стены прихожей. И каждое из них попало в меня. Я выходил за дверь, разорванный ими на куски, и одному Богу известно, как я умудрился попасть в нужный ангар, из которого уже выкатывался «крокодил» со звездами на борту.

Вернувшись к тому же ангару через неделю, я увидел синий SL и тебя, сидящую на капоте в черных очках и джинсовой куртке. Я ужасно обрадовался и строго поинтересовался:

– Кто тебя сюда пустил?

Ты усмехнулась и, не доставая удостоверения, ответила:

– Дядя.

Внутри дома Кандинской очень условная прихожая, за которой огромная гостиная с камином, большим диваном, проекторным экраном на выбеленной стене и узкими французскими окнами. На окнах практически полностью опущены шторы, так что в гостиной темно. Юрий включает свет – флуоресцентные лампы в нишах под потолком заливают пространство мягким неярким сиянием.

Наташа разувается, делает пару шагов вперед и видит, что на экране без звука крутится черно-белый фильм. Она хмыкает и удивленно смотрит на Юрия. Тот улыбается в ответ:

– Ага. Представь себе – пустой дом, день, никого нет. И на экране крутится немое кино. Ни для кого, понимаешь? Классика. Узнаю любимую подругу.

Наташа передергивает плечами в своей дубленке:

– Жутковатенько.

Юрий успокаивающе машет рукой:

– Падение дома Ашеров. Раздевайся, сейчас выключу.

Он проходит к стеклянному столику у дивана, берет пульт, выключает проектор. Наташа тем временем осматривается и снимает шарфик и шапку.

– Богато.

* * *

Большинство командиров групп отдела Реагирования всячески противятся повышению по службе. Убийцы равнодушны к карьерному росту, зато перспектива кабинетной работы их нешуточно пугает.

Меня же бумажная работа полностью устраивала. Конечно, я не мог сам просить о таком продвижении (в «колясочки» на конторском жаргоне), но ждал, когда начальство примет решение – по выслуге лет, – и знал, что ждать осталось недолго.

Ты вышла за меня, мы продали мою квартиру и жили за городом, в Раздорах. Все было замечательно, и каждый умел не надоедать другому. Разве что очередная командировка неожиданно впиалась в сердце назойливым предвестием чего-то плохого. Хорошо, что мы в Реагировании настолько же не склонны к длительной рефлексии, насколько склонны к суевериям. Умеем быстро выкидывать из головы всякую херню.

Сама же командировка выглядела совершенно обычной, да и, по сути, таковой являлась.

Козырь прилепляет ленты к дверям. Парни вжались в стены на лестнице. За Козырем занимает всю площадку Худи. Я негромко говорю – работаем. Заряды делают свое дело, дверь влетает внутрь квартиры, валит пыль. Врываемся по одному, шарим фонарями: в коридоре никого, в гостиной никого, в кухне никого. В ванной открыто окно, мы с Хитом осторожно смотрим, не высовывая голов. Хит первым замечает объект и кричит – она уходит по карнизу! Она? Какая она? Должен быть он – или он и еще один он. Не она.

Хит вылезает в окно первым, я за ним, предварительно обернувшись и пролаяв приказание группе. Маленькая фигурка тем временем добирается до пожарной лестницы и карабкается наверх. Она что-то несет, что-то придерживает левой рукой у груди.

На крыше к нам присоединяется Худи – он удивительно проворен для своих габаритов. У него в руках ПП-2000, и он бросает взгляд на меня, своего командира. Но Хит кричит – беру, беру – и прицеливается из «глока». Я понимаю, что Хит хочет обезвредить объект не убивая, и киваю. Секунды три, и хлопок выстрела эхом прыгает между крыш, перегородок, труб и технических входов. Она, кто бы она ни была, исчезает за коньком мансардного окошка на дальней стороне крыши. Худи говорит – вроде уложил, нет? Хит молча пус-

кается в перебежки, я следую за ним. Из-за края скворечника мансарды высовывается босая нога. Хит добегает до угла, останавливается на секунду, вдыхает и резко поворачивается. И я вижу, как он сперва застывает, а потом опускает руку с пистолетом. Сзади подбегает Худи.

Рация выплевывает короткие сообщения, я в ответ велю оставаться на местах. Хит уже пыхтит сигаретой, а Худи не может оторвать глаз от трупа.

Это в итоге никакая не она, это он. Пухлый, с растрепанными волосами по плечи, с огромными ресницами и пушком над верхней губой. От силы лет семнадцать-восемнадцать. В красно-синем шарфике «Барселоны». Под левой рукой – сверток из одеяльца, из которого видна крохотная розовая макушка. Мне кажется, что сейчас включат звук – и раздастся крик, плач, визг младенца. Но звук давно включен, а из свертка ничего не доносится. Я говорю – Худи, глянь. И жду, жду, как будто мир поставили на паузу, как будто мир завис.

А потом – Худи уже держит сверток перед глазами и смеется. Смеется и говорит – заснул, спит!

Спустя пару часов группа на вертушке пересекает невидимую сверху границу. Меня страшно клонит спать. Странно – обычно наоборот. Проваливаюсь на мгновение, выныриваю, потом опять проваливаюсь.

Но один назойливый сон успевает присниться. В этом сне ты меня будишь – одетая в белоснежное платье – и кричишь – вставай, мы проспали, отец с меня шкуру спустит! Я бор-

мочу – куда опоздали? И ты смеешься – на твою вторую свадьбу!

Я хватаю тебя за плечи, встряхиваю, и шепчу – Олечка, милая моя, любимая, твой отец умер. А мы с тобой – муж и жена. И ты как-то обмякаешь, но потом вырываешься из моих рук и злишься – но мы-то живые, и свадьбу никто не отменял! Чья свадьба, милая? Моей сестры. Алисы? Нет, другой. Которой у меня нет.

* * *

Юрка и Наташа устроились на толстом покрывале у камина, в котором теперь громко трещат горящие дрова. В руках у каждого по бокалу с чем-то рубиновым, и оба раздеты до трусов. У светлокожей Наташи аккуратные груди с маленькими темными сосками. Оба курят. Она волнуется:

– Уверен, что курить в доме можно? А где она приемы ведет?

– Здесь же.

– Здесь?

– Ну, не прямо здесь. В левом крыле есть оборудованный кабинет с отдельным входом. Звуконепроницаемый. И бассейн, кстати, есть.

– Круто. Поверить не могу, что я в доме самой Кандинской.

Юрка ухмыляется в ответ:

– А я вот поверить не могу, что даже ты в курсе, кто она такая...

– Что значит – даже я? – возмущается Наташа. – Обидеть хотите, мужчина?

Он умело виноватится:

– Я не то имел в виду. Она, конечно, известна. Просто она же не рок-звезда какая-нибудь. Люди ее профессии не так популярны.

– Представь себе, именно так. Мне про нее кто только не рассказывал. И вы с ней прямо друзья-друзья?

– С пятого класса.

– И у вас роман был в пятом классе?

– Не было романа. Ни в пятом, ни в десятом.

Наташа натягивает на себя пледик и важно сообщает:

– Я знаю, мальчики с девочками могут дружить, я не глупая. Редко, конечно. Но могут. А то все, знаешь, говорят...

– Правильно все говорят, – улыбается Юра. – Я в нее был влюблен с того самого пятого класса.

– А она?

– А она просто со мной дружила.

* * *

Интересно – я, командир отряда из Реагирования, покорился лотерее судьбы и в итоге женился на тебе. А Юрка, архитектор, верил исключительно в свою любовь – и женил-

ся на ком придется в ожидании руки Алисы.

Юрка по характеру был Карениной, а я даже на Вронского не тянул.

* * *

Он подкидывает поленья в камин. Берет бутылку, доликает обоим в стакан. За высокими окнами тем временем самая настоящая пурга.

Наташа спрашивает:

– И ты к ней на приемы ходишь? Или друзьям не положено?

– Не положено.

Наташу пробирает смех:

– А я – не друг! Я друг друга. Можно меня проанализировать? Со скидкой?

И вдруг из коридора слышен голос Алисы:

– Скидка обсуждается. Для Юриных друзей – ничего невозможного.

Гости вздрагивают и оборачиваются на голос. Кандинская, смеясь, стягивает сапоги в прихожей и отряхивает пальто. Потом весело объясняет Юрке:

– Привет, извини, что раньше нарисовалась. Но мысль о том, чтобы ночевать у них, была невыносима. Видел бы ты этот антиквариатный заповедник.

Не меняя тона, она спрашивает Наташу:

– Вас как звать?

– Наташа, – замороженно отвечает Наташа.

– Вам же лучше конкретику, верно? Без словоблудия?

– Конечно!

– Купите очки без диоптрий в коричневой оправе, желательно круглые. Оставьте только одно кольцо, то, что с рубином, на безымянном левой руки. Ни браслетов, ни ожерелий, ни крупных серег. Вообще ничего другого, даже часов. Только это кольцо. Старайтесь не говорить, когда есть возможность этого избежать. Кажется просто, но на самом деле требует некоторой практики. И последнее – никогда, никогда не трогайте пальцами уши.

Наташа ойкает:

– Мне надо записать. А то забуду! И это все?

– Вы удивитесь эффекту. Поверьте. И я ни копейки с вас не возьму, Наташ, вы ведь друг Юры.

Наташе ужасно неудобно, она кидается одеваться, разливает стакан, бросается вытирать вино, роняет пледик, спотыкается о Юркины ноги, чертыхается, краснеет, умоляюще смотрит на Алису:

– Господи, простите меня, я просто, ну, мы просто, ну, Юра сказал, что вас не будет! А мы вломились. Извините!

Алиса, вытирая голову первым попавшимся покрывалом с диванчика, успокаивает гостью:

– Что вы! Это мне нужно извиняться! Приперлась на ночь глядя, а обещала утром!

Юра, трясясь от сдерживаемого хохота, заявляет:
– Ну и как тебе верить после этого?

* * *

Наташа давно спит в одной из гостевых спален. Алиса разрешила Юре остаться в трусах, а сама переоделась в халат. Оставшись вдвоем, друзья общаются на пониженных тонах, как будто их кто-то подслушивает.

– А как же два брака?

– Один, – уточняет Юрка. – Один брак. Первый раз – просто сожительство.

– Тебе прямо важно, что вот с пятого класса – и на всю жизнь?

– Мне важно, что я тебя люблю. Остальное – неважно. Но если тебе важно – анализируй на здоровье. Я не против.

– Было бы что анализировать, – фыркает Кандинская.

– А ты?

– Что – я?

– Ты кого-то любила? Со времен пятого класса?

– То есть после того, как предположительно любила тебя?

– Ага.

Юрка замечает, что Алиса морщит нос – явный признак раздражения. Но ему все равно, он хочет этого разговора, хочет, чтобы разговор шел и шел. Хоть всю ночь. Алиса это понимает – она не понимает, что тут уместно ответить. В

итоге она произносит:

– Не знаю. Я и тебя в пятом классе вряд ли любила.

Юрка кивает:

– Я знал, что ты так ответишь. Поэтому и любил все это время за двоих – за меня и за тебя.

– Видимо, с меня причитается?

– Абсолютно нет. Главное, чтобы ты на меня за это не злилась. Как у Толстого...

– В смысле?

– Ну, у Толстого где-то было – мол, люди любят нас не за то добро, что мы им сделали, а за то добро, что они нам сделали.

Дрова в камине то ли разгораются, то ли догорают. Что он несет? Какое такое добро он ей сделал? Юрка вдруг вспоминает, что он в трусах, и чувствует растерянность. Вместо несущих конструкций мира, гармонии линий, квадратов, сфер, пьянящей ясности невидимой симметрии, заливавшей светом вчерашнюю ночь, его глаза начинают чесаться и слезиться от мелькающих адских чертежей, в которых нет ни малейшего смысла, и сквозь этот прыгающий бред проступает идиотская ухмылка шизофреника с огромным белым карандашом за волосатым ухом. Он словно потерял один разговор и вслушивается в другой – с самим собой. И тоскливо думает, как он пойдет спать под одним одеялом с Наташей в доме своей возлюбленной. Зачем он притащил сюда эту ночную хамелеоншу?

Алиса с интересом наблюдает за тем, как он судорожно натягивает штаны и борется с ширинкой. Он слышит ее четкий голос:

– Цитата из Лоренса Стерна, хотя засунута в «Войну и мир». Ты мой начитанный, умный, близкий и родной, верный во все времена, в меру порочный и по-своему обаятельный, знающий меня вдоль и поперек любимый друг. Которого не устраивает быть моим другом. Хотя он прекрасно знает, что других друзей у меня нет.

Юрка справился со штанами, но возникает новая напасть – его начинает слегка знобить, и его злит, что Кандинская, скорее всего, заметит.

– Почему мне кажется, что я уже все это слышал раньше? Улыбайся, сколько тебе влезет. И когда тебе надоест строить из себя умную? Я же и так знаю, и все знают, насколько ты умная.

Алиса продолжает улыбаться:

– Ты прав, работаю с этим, но пока безуспешно. Наверное, после Нобелевской само собой пройдет.

В доме явно перетоплено. Зевая и потея, Юрка пытается вспомнить, что еще хотел спросить, и в итоге вспоминает:

– А как поживают твои Четверо?

* * *

Солнце поднялось и палило нещадно. Волны бур-

лили фонтанчиками турецких пуль и снарядов. Миноноски уже находились в спасительной тени невозмутимого корабля. И тут прозвучало – человек за бортом!

Младшего ординатора Кандинского втащили на шлюпку, пару раз надавили на грудь и перевернули лицом вниз. Он закашлялся и начал выплевывать соленую воду. Его успокаивали два матроса, а он все пытался сообщить им что-то очень важное, но у него не получалось. Наконец один из его спасителей наклонился над ним и мягко произнес:

– Не извольте беспокоиться, господин доктор! Отдышитесь маленько, потом скажете.

Но Кандинский почувствовал, что вот-вот потеряет сознание. И, собравшись с силами, просипел:

– Четыре человека еще... четыре человека со мной тонули...

Матросы переглянулись и решили, что доктор бредит.

* * *

Клеменс – его Алиса придумала первым, еще когда училась в ЦМШ по классу фортепиано. Она принесла в класс пластинку Гульда, и худощавый пижон препод заявил, что Гульд просто не умеет играть, а Ленка Кузина – она ему стро-

ила глазки два года подряд – визгливо захохотала, будто он сказал что-то ужасно смешное. Алиса тогда возразила – есть люди, умеющие играть, и есть люди, которые играют. Большая разница. Короче, вечный спор о виртуозах и гениях.

Клеменс, чем-то похожий на Бена Газзару и Юрия Богатырева одновременно, и с голосом раннего Коэна, бороздил просторы космоса в стареньком звездолете с командным пунктом в форме рояля. Всегда на связи – поскольку там, где он, не бывает времени суток или зон вне доступа. Всегда на ее стороне, потому что – против мелочности, пошлости, глупости и лживости. Всегда с дружеским участием и без дружеских советов. Клеменс-то знает, где находится великий Гульд, а где – закомплексованное ничтожество препод, упивающееся единственной властью, которую он выторговал у судьбы, – властью унижать своих учеников.

– Ну что ты смеешься, Алиса?

– Прости, Клеменс! Разве это не смешно – вечно расстроенный рояль, управляющий космическим кораблем?

– Расстроена только пара квинт в нижнем регистре. Хотя и вечно, но тут у меня, мой хороший, все – «вечно»...

– Значит, у тебя всегда носовой крен на несколько градусов?

– Для меня это не проблема. Вероятность ДТП тут нулевая. То ли дело у тебя – разве ты не встречаешь все время расстроенных людей?

– Каждый день! То расстроенных, то недостроенных, а

иногда такие попадают, будто их вообще никогда не настраивали. Клеменс?

– Да?

– Ты обещал написать мне сонатину.

– Я и написал. Не хочу показывать, пока не готово, понимаешь?

– Ну хоть пару тактов напой!

– Так нельзя, надо все доделать, иначе впечатление не то будет, понимаешь?

– Клеменс, хватит ломаться!

– Узнаю голос большой начальницы. Хорошо, слушай...

И Клеменс напевает что-то удивительное, что обычно придумает в сне, а наутро не вспомнишь. Хотя, собственно, во сне все и происходит.

Откуда ты в 15 лет вычитала про осознанные сновидения? В какой пыльной брошюре в темном углу Ленинской библиотеки? Недавно ты пыталась отыскать этот загадочный, как и все артефакты, первоисточник, задействовала связи в архивах и на кафедре – и все без малейшего толку. Испарилась та брошюра, истлела, растаяла – может, оно и к лучшему.

Суть заключалась в том, чтобы научиться «просыпаться» внутри сна, и тогда ты еще не тюремщик, но уже и не пленник. И можешь в одну прекрасную ночь познакомиться с Клеменсом. А то, что ты его сама придумала, – так разве не всех друзей мы себе «придумываем»? С настоящими никому дружить и в голову не придет.

– Клеменс, почему все девочки в классе в кого-то влюбляются как подорванные, а я – нет?

– А ты хочешь?

– Чего?

– Влюбляться как подорванная?

– Ну, попробовать хотя бы. Интересно же.

– Может, пока не в кого?

– Скажешь тоже. А им всем – есть в кого? Общий уровень противоположного пола в школе оставляет, мягко говоря, желать лучшего. Ну что ты смеешься?

– Алиса, я смеюсь над ними, не над тобой. И откуда тебе, кстати, знать, что они влюбляются по-настоящему?

– Что значит – по-настоящему? Как в книжках?

– Да, как в книжках. Или как в музыке.

– Ты прав, вряд ли у них по-настоящему.

– Ну вот видишь. А в тебя, Алиса, кто-нибудь влюблен?

– Кроме тебя?

– А-ха-ха-ха-ха-ха! Да, кроме меня.

– Есть тут один долговязый на подозрении. Ты же знаешь, Клеменс, им всем смелости не хватает в этом возрасте.

– Скорее всего. Хорошо, я никогда в их возрасте не был и не буду.

Еще одна ночь проходит. Четыре стадии медленного сна и пятая фаза быстрого сна. Тета-волны, сигма-ритм, дельта-сон, и наконец минут пятнадцать чудесных, сочных бета-волн. И опять сначала. А потом – будильник, тапочки,

ночнушка, зеркало, зубная щетка, душ, зеркало, завтрак, лифчик, помада, зеркало, сапожки, ключи, зеркало, и открывается дверь. И захлопывается дверь. До следующего раза, Клеменс!

* * *

Как в таких случаях любит говорить Джен – «это настоящая, лютая хуйня!». Классика жанра – Алиса оказалась последней сукой, потому что отбила бойфренда у лучшей подруги у нее за спиной и переспала с ним! То есть это не классика, это дурацкое клише, а классика заключается в том, что: а) Алиса никого не отбивала, б) ни с кем не переспала, в) у нее нет и не было «лучшей подруги» и г) а у подруги нет и не было бойфренда (по крайней мере, этого конкретного бойфренда). Плюс у Алисы серьезные сомнения в том, что его вообще уместно было так называть – она с раннего возраста с удивительной легкостью определяла сексуальную ориентацию человека и редко ошибалась.

– Джен, объясни мне, ну что со мной не так? Весь этот мушиный рой теперь шепчется о моем высосанном из ее кривого пальца с обкусанным ногтем вероломстве.

– Ты, подруга, жалея ее побольше. Ты чё – княжна Марья, блядь? Мне вот одного жаль – тебе реально нужно было его выебать.

– Да я не о том. Почему именно меня на роль вражины?

– А кого еще, Алисок? В наличии имеются: страхолюдина, лесбоящер, имбецилка, мажорка и жополизка. Никого не забыла? Ах да, еще красавица с мозгами, то есть ты. Можно было бы, конечно, к мажорке приревновать – но стремак, недолго и пиздюлечков огрести.

– Но вот она же и правда переживает, я ей пыталась сказать, что ничего не было, – так она меня и слушать не стала.

– И не станет. Алиса, дай убогой хоть раз в жизни почувствовать себя значимой. Сама Кандинская у нее, серятины кисельной, мужика увела! Это ж, блядь, достижение!

По-деревенски хитрая и по-городскому наблатыканная, Джен появилась второй из твоих Четверых. Кандинская была то ли на первом, то ли на втором курсе и слишком часто испытывала сентиментальную неприязнь к собственной персоне. Нужно было научиться самой утирать себе сопли, желательно еще до того, как они появлялись. И тут, бродя по одному из своих хорошо изученных снов – пустой пляж на Рижском взморье, закрытое летнее кафе, пластиковые лежаки без матрасов, колыхающиеся на ветре флажки, пляшущие на волнах буйки, пикирующие чайки и бледное полуденное солнце, – Алиса вызвала к жизни Джен, рыжуху с высокими скулами и ненатурально изумрудными глазами («линзы, подруга, хули!»). В «пляжном» сне по неписаному правилу Алисиного внутреннего демиурга не полагалось никого двуногого, только кошки да чайки. Для Джен решено было сделать исключение, и с тех пор она то сидела на лежаке, вытря-

живая песок из пальцев ног, то носилась вдоль кромки залива, то садилась сзади и крепко обнимала Алису за плечи.

– Джен, у меня никогда не будет подруг?

– На хер они тебе сдались? Меня мало?

– Я нормальный человек, мне нужен «близкий круг» и все далее по списку.

– Кандинская, ты кто угодно, но не «нормальный». Хочешь быть нормальной – хватит научной суходрочки, закинься марочкой и топай в клуб. Не успеешь оглянуться, как все проебешь (и переебешь) и будешь, в натуре, нормальнее не бывает.

– Вот черно-белого не надо, а? Что за пургу ты несешь! Как будто нельзя заниматься наукой и иметь подруг.

– Можно, Алисок. Только где ты этих подруг найти думаешь? В институте – банка с паучихами. Одноклассниц своих ты как звать забыла и правильно сделала. Так где тогда? Ко мне на родину в академ поедешь траву косить?

– А кстати, Джен, где твоя родина?

– В ебнях, Алисок. В ебнях.

И действительно – на что ей сдались подруги, которых еще непонятно где взять – не назначать же действующих персонажей? У нее есть подруга хоть куда, и зовут ее Джен, и никто лучше ее (то есть себя самой) не наорет, когда нужно, не рассмешит, когда нужно, не придаст сил и ярости – ровно тех сил и той ярости, которые порою необходимы. На этом балтийском пляже вечно будет дуть ветер, никогда не откро-

ется летнее кафе, и чайки, с их резкими криками и злющими глазками, не превратятся в ласковых дельфинов. Джен тоже не подойдет, но мало на кого можно так положиться, как на Джен. Она всегда будет за Алису.

– Что нового, шизофреничка с отличием? Что дальше?

– Сама такая, Джен.

– Ясен пень, такая. Какой мне еще быть, Кандинская? Так чего – никто еще не мерещится по углам? И главное – меня всегда вставляла темка – голоса с Марса на внутреннюю антенну, не?

– Ага. Прямо вот сейчас и передают.

– Ух ты! Что сообщают?

– Говорят, начнут эксперименты над человеческой расой с рыжих самок.

– Вау! Так и перевозбудиться недолго.

Очередная ночь подходит к концу. Медленный сон – быстрый сон. Четыре-пять свиданий в БДГ-фазе. Трудится нейронный переключатель в продолговатом мозге. Гипотеза активации-синтеза. А потом – будильник. И новый день, полный молодой, сильной и одинокой целеустремленности.

* * *

Иногда Алисе казалось, что Четверо были у нее всегда, с самого детства, – оставалось лишь с ними перезнакомиться. А иногда казалось, что Четверых никогда не было – а была

только она, Вита. Тихий голос, рожденный летними сумерками, красота вне плоти и вне возраста. Граница яви и сна, покоя и тревоги. И блистательная Кандинская, не нуждающаяся ни в ком и ни в чем, ни от кого не зависящая и никому, кроме себя, ничем не обязанная, не мыслила своего существования без этой интимной тени. Не представляла Вселенной, в которой может не быть Виты. Плюс к этому Вита была старше Вселенной.

– Вита, ты такая тихоня, что на конкурсе тихонь займешь второе место, потому что тихоня!

– Ну и что? Я же знаю, ты всегда займешь место и для меня, Алиса.

– Кого Нарцисс увидел в реке?

– Видимо, меня?

– А-ха-ха-ха-ха! Вот вам и тихоня!

– Ну не мог же он в самом деле в себя влюбиться...

Зимой, на конференции где-то под Лондоном, Алиса возвращалась затемно в свой отель и сломала каблук, подвернув ногу. Конечно, она выпила, да что уж там – крепко напилась. Трудно отказать лысым женатым психиатрам в радости пропустить с мисс Кандинской на баре пару стаканчиков, блеснуть остроумием и эрудицией в присутствии красивой молодой женщины. Еще труднее не оказаться с кем-то из них потом в такси и отважиться на пешую прогулку. Ну, сломала каблук – горе не беда, даже с ногой ничего серьезного не произошло. С чем или с кем в Алисином прошлом этот чер-

тов каблук оказался связан невидимой и очень длинной веревкой? В общем, она взяла и расплакалась – большая редкость в ее случае. Но практически мгновенно успокоилась и поковыляла в свой номер – как будто ангел шепнул в ухо: иди спать, все будет хорошо, не плачь. Алиса задернула шторы, через которые просвечивал неон вывески, стащила с себя юбку, трусы и блузку, но рубашку по какой-то причине снимать не стала. Отрубилась – и познакомилась с Витой.

– Кто здесь? Я боюсь самого факта, что мне может быть страшно.

– Я помню историю про каблук, Алиса. Это были бабушкины туфли, и в тот раз, ты, между прочим, упала...

– Как тебя зовут?

– Вита.

– А я ничего не помню, Вита. В чем там было дело с каблуком?

– Разве это так важно? Разреши мне помнить за тебя, а ты будешь за меня плакать.

– Вита, почему я боюсь бояться?

– Алиса, ты боишься потерять меня – потерять свою тень. От такого всем не по себе – как сохранить нечто, если даже нельзя проверить, имелось ли оно у тебя?

– Тебя еле слышно, Вита. И плохо видно. Мне точно не следует морочиться из-за каблука?

Тихий смешок.

– Из-за бабушкиных туфель? Точно не стоит.

Да, в случае с Витой шастанье по снам – пустой номер. Вита может в них находиться, а может и нет. Чаще всего – нет. Для связи с ней Алиса разработала систему сигналов – на манер шпионских романов, где агент задерживает штору в определенное время, проходящий мимо курьер поднимает воротник повыше и делает вид, что торопится по своим делам, а на следующий день агент идет гулять в парк, садится на третью от входа скамейку и ждет, пока к нему не подсядет, например, мамаша с коляской, и они говорят друг с другом, глядя в разные стороны. В реальности Алиса использовала двухступенчатый самогипноз – менее драматично, но эффективно. Вита действительно чем-то напоминала идеального шпиона – умением появляться и исчезать. А еще, когда ее удавалось хорошо разглядеть, изумляла своей запредельной красотой. И на ее затылке играли оттенками сложные миниатюрные татуировки.

Во время осеннего курса ее лекций в Чикагском университете Алиса узнала, что Павел Иванович серьезно болен. И практически сразу у нее вылезла экзема на запястьях и шее.

Со стороны люди никогда не понимали, когда у Алисы трудности, а когда все в порядке. Но она-то сама знала, что к чему. Это вполне тянуло на трудности, и Алиса захотела встретиться с Витой.

– Ты представить себе не можешь, что это такое! Мазать бесполезно, таблетки – тоже бесполезно, даже гипноз – бесполезно. Вчера расчесала под левым ухом до крови, сегодня,

кажется, до пальцев ног добралось.

– Бедная ты моя. Мне очень жаль твоего отца, это так несправедливо.

– Вита, я тебе про экзему, ты мне про отца. Отца рано хоронить. Я договорилась, его положат в Красногорске к хорошему врачу.

– Но ты же переживаешь?

– Как говорили в одном фильме – а это поможет? От моих переживаний толку мало. Кроме этой ебучей экземы.

– Тебе надо отдохнуть, Алис. Возьми неделю, поезжай в горы.

– Не могу. Никак не могу. Сейчас – нет.

– Делай йогу.

– Делаю. Вита... у меня странный вопрос. А ты знала моего прапрадеда? Виктора Хрисанфовича?

– Да, конечно. Ты мне, наверное, не поверишь, но я разговаривала с ним в последние часы, когда он отравил себя опиумом.

– Не поверю, конечно. Такое уже из разряда мистики. Трансгенерационный перенос – это, конечно, чудесно, но давай не перегибать палку.

– Ты сама меня спросила. Ты хочешь знать, похожа ли ты на него? В чем-то да, в чем-то нет. Алиса, ты думаешь, что уже скоро заболеешь, как он?

– Только не надо меня анализировать, Вит. Хотя... где сыскать терапевта круче собственной тени?

Тем вечером Кандинская решила сделать себе укол иммунодепрессанта. Через неделю экземы как не бывало. А пока, смазавшись бесполезными мазями, она открывает окно в июльскую духоту Чикаго, заворачивается в простыню и закрывает глаза. День закончился, еще одна долгожданная ночь. Какой она будет?

Стадии медленного сна, как густые черные волны в рапиде. Потом – быстрый сон. БДГ-фаза – дом для ее осознанных сновидений. Норадренергическая нейромодуляция. Высокие уровни ацетилхолина в гиппокампе. Может быть, получится застать Виту – хочется еще с ней немного поговорить или даже помолчать. А потом – рассвет, и солнце встает над башенками кампусов.

* * *

Эта конкретная канцелярия находилась на первом этаже здания поселковой почты в Малаховке. В детстве сестер часто закидывали на дачу к дедушке Ивану, и время от времени, по каким-то важным вопросам Совета ветеранов, они отправлялись на почту. Канцелярия состояла из стола, стула, громоздкой печатной машинки и двух телефонов. Пожилая тетенька, хозяйствовавшая в этом царстве линолеума и клейких лент для мух, давала им конфеты, а однажды сказала – вот подрастете, и возьмем вас на работу.

Спустя годы Алиса аккуратно, не упустив ни одной дета-

ли, взяла эту канцелярию, словно ураган – домик Дороти, и разместила ее в одном из своих снов. Там она и придумала Роло (или, наконец, познакомилась с ним) – и нужно сказать, очень вовремя. Начиная тот этап ее жизни, когда репутация, начиная работать на тебя по известному правилу, одновременно берedit академические душонки в диапазоне от мелких до крупных. Не сказать, чтобы Кандинская не была к этому готова. Но научная среда подразумевает затяжные позиционные сражения, и чтобы победить, нужен свой маленький генштаб. Она, с характерной для нее эффективностью, и организовала свой, набрав офицеров из разного уровня сторонников, покровителей и учеников со связями. А потом обрела главного советника по ту сторону яви – Роло.

– Они сказали – два месяца. Два месяца. Прошло полгода – аккредитации нет. Тебе это кажется нормальным?

– Роло, это бюрократия. Ничто и никогда не делается вовремя.

– Алиса, это бизнес. Либо люди делают, что обещали, либо кидают тебя.

– Мы не теряли время, мы подняли журнал, уже четвертый выпуск, авторы в очередь встают.

– Без аккредитации это не журнал, это кружок любителей книг. Публикации нужны там, где они засчитываются. Пойди к своему генералу на Житной, которому ты лекции организовывала. Пусть позвонит ректору.

– Отличная идея! А дальше что – к бандитам обратиться?

– Дальше будет не нужно, поверь мне.

– Что ты на меня уставился? С одеждой что-то не так?

– Алиса, ты уже не студентка, ты доктор наук, на минуточку. Ну что это за порнография с юбкой? И нечего смеяться, имидж важен...

В лице Роло она смешала молодого Кевина Спейси, пожилого Андрея Панина и вневременного еврея-бухгалтера с завода «Красная заря». Вышло на загляденье – очки, озабоченность, одышка, осторожность. Чего Алиса не могла (вернее, еще как могла, но не хотела) предвидеть – это легких признаков паранойи, пессимизма и подозрительности. С другой стороны, готовясь к синдрому Кандинского – Клерамбо, полезно тренироваться на «кошечках» – кто знает, возможно, и это была часть плана.

– О чем ты задумался, Роло?

– О секретарше декана.

– Та блондиночка с парализованной верхней частью черепа? Вот уж не думала, что она в твоём вкусе.

– Ее зовут Лена. Про череп ничего не могу сказать, и она не в моем вкусе, она во вкусе и во всем остальном у декана.

– И тебя это заботит?

– Декан – серьезный товарищ, не просто должность. Величина определенная. Большая семья, научная династия. И если при его попустительстве все, от уборщиц до ректора, в курсе его романчика с секретаршей, это может означать, что романчика нет.

– Как это нет?

– С секретаршей – нет. Операция прикрытия. А на самом деле романчик с кем-то другим, и я думаю, что знаю с кем.

– Да ты прям контрразведчик! Прежде чем я спрошу – с кем, можно узнать – нам-то что до этого?

– Алис, ты серьезно? Хорошо, отвечаю – крутит он, скорее всего, с Васильевой. С той самой, у которой ты увела кафедру. А теперь декан предложил тебе редактировать твою бесценную монографию. Сам предложил. Теперь понятно?

– Теперь понятно. Как будем вежливо отказывать?

– Имеются варианты...

Алиса любит Роло, как любят козырного туза в рукаве, – с ним легко и приятно разрушать коварные замыслы врагов. Конечно, для нее это игра, хотя она и понимает, что проигрывать нельзя. Но в то же время она не может себе позволить всерьез воспринимать эту академ-шушеру – иначе есть риск скатиться на их уровень. Кандинская пришла в науку не ради собачьих боев, а ради гонки на золотых колесницах. Собаками пусть занимается Роло.

– Алис, мои соболезнования по поводу отца. Юра тебе здорово помог, да?

– Да, Роло, помог.

– Он ведь только что развелся опять? Чем он вообще занимается?

– Юра? Своим архитектурным бюро.

– Ты же понимаешь, что у него на тебя планы?

– Планы на меня? Типа, как в русских романах, на богатую невесту?

– Типа, как в английских романах, Алиса. А что такого – он бежит за тобой с пятого класса.

– Ну, это ему не помешало два раза жениться. Ты что-то против него имеешь, Роло?

– Я? Боже упаси. Хороший парень...

Скорее бы ночь. Пусть медленный сон будет медленным, на быстрый времени всегда хватит. Стимулирование новых комбинаций ассоциативных элементов. Шуршание холинергических синапсов. Когда зазвонит будильник? Неважно, Алиса давно умеет просыпаться сама. Она надеется, так будет и дальше.

Часть II

*Воровство не может произойти раньше взлома
двери.*

В. Протт. Морфология волшебной сказки

Авдеев заметил слезку вечером.

Несмотря на седину, он вполне мог считаться красавцем. По крайней мере, женщинам он до сих пор нравился. Холостяцкий статус упрощал случайные романы. Но Авдеев был уже не молод. А в его случае молодость означала так много: авантюризм, самоуверенность, везение, отвагу, силу, гибкость, неуязвимость и гордость, – что, когда молодость ушла и забрала все это с собой, он остался практически ни с чем. Кроме таланта, работы и опыта. Поэтому, заметив слезку – двух бычков и какую-то щуплую девицу, видимо из особых, – он просто отправился домой.

Закрыв дверь, Авдеев не торопясь разулся, снял пальто, купленное много лет назад на Пятой авеню, зашел в ванную помыть руки, потом отыскал на полках гостиной семейный фотоальбом и улегся на диван его рассматривать.

Прирожденный вербовщик – каковым Авдеев и являлся – обязан уметь быть прирожденным источни-

ком. То есть – готовым к поражению. Такие принимают решения в доли секунды, если в решениях имеется смысл, и лежат на диване, когда решать нечего, – естественно, достигнув определенного возраста, в котором после ухода молодости остаются лишь талант, работа и опыт.

В молодости вербовщики учатся искусству дружбы, с опытом – искусству вражды. И Авдеев прекрасно знал: умелый враг одерживает победу в тот момент, когда перестает быть невидимым. Смешное заключается в том, что в тот же самый момент ты теряешь к нему всякий интерес. В настоящих играх, где партии не переигрываются, абсолютно неважно – кому ты проиграл.

Авдеев рассматривал снимки – детские, семейные, отпускные. В отличие от многих ему нравились фотоальбомы. Он еще думал сходить в душ, но было лень. Не прошло и часа, как в дверь начали стучать.

«Как будто звонок не работает», – усмехнулся Авдеев про себя.

* * *

В отличие от отца дядю ты любила нежнее и искреннее, просто потому, что сама была его любимицей.

Про удочерение Алисы ты узнала, пробив старшую сестру

в конторе. А про вашу третью сестру, Валентину, ты ничего узнать не могла, поскольку не от кого было узнавать. Дядя в силу своей работы идеально умел не создавать искусственных проблем. Павел Иванович оставил на усмотрение брата, кому можно открыть правду о Валентине после его смерти. Вам с Алисой, с дядиной точки зрения, было знать не обязательно.

* * *

Змеи, таящиеся под сердцами измен, не любят солнца. Разноцветная блестящая чешуя их превращается в сгнившую листву, под которой шевелятся сталью синеватые мускулы. И там, в слепоте рептильных вмятин, рождаются безглазые ублюдки, вырывающиеся на свет божий с теми же розовыми воплями, что и любое дитя страстей человеческих.

* * *

Как-то раз, почти сразу после твоего рождения, Павел Иванович ночью ворвался к брату. Дроздов тщился сохранять похожесть на самого себя – рассудительно-бородатого, невозмутимого и «по делу». Обычно кризисы словно высасывали из невролога любые эмоции. Но тут брату пришлось отыскать половинку бутылки ямайского рома, прежде чем

Павел Иванович смог отдышаться и заговорить.

Спустя час во второй бутылке тоже оставалось на доньшке.

– Ты подумай только – насколько это на меня не похоже. И такой банальщиной отдает – хуже мог быть только курортный роман. Ты уверен, что она ничего мужу рассказывать не станет?

– Ну, военные обычно считать умеют. Если по срокам похоже – а вроде сходится, если она тебе не врет, – их к концу лета ждет радостное событие. Я попрошу взять на контроль все семейство. И не только по службе. Даже если мужу вздумается подать тест на отцовство, он получит правильный ответ. Вернее, ожидаемый.

Ваш дядя улыбнулся, а Павел Иванович зашарил пальцами в пустой пачке сигарет и, близоруко прищурясь, со слезами в глазах взглянул на брата.

– Как мне с этим жить? Одну удочерил, вторая от жены, а третья не пойми от кого.

– Не пойми от кого даже сирот не бывает. Третья от молодой и – теперь – подающей надежды лейтенанта Ивановой из тылового обеспечения тридцать восьмого танкового батальона ордена Красного Знамени гвардейской дивизии.

– Ты можешь хоть сейчас не шутить?

– Могу, – серьезно сказал брат. – Если ты готов выслушать мои умозаключения.

Павел Иванович, услышав до боли знакомый тон, как-то

сразу взял себя в руки.

– Смотри, – продолжил брат. – По сути, никакой третьей дочери у тебя нет. Как и у Алиски до тебя отца не было. И это останется так, если только ты не идиот – а ты не идиот. Можешь грызть себя поедом, сколько потребуется, но дочь родится у других людей. И тебе ли как врачу не знать – текущие уровни ложного отцовства впечатляют, но на общий ход мировых дел влияют ничтожно.

Брат на секунду задумался, сверяясь со своим ходом мыслей. Потом снова заговорил:

– В моей профессии люди с серым веществом хорошо знают – человек ценится не по поступкам, а по их последствиям. И мы часто совершаем поступки под влиянием момента, и дурные, и хорошие, но вот последствия мы *обязаны* в силу возможностей не пускать на самотек. Когда мучаешься угрызениями совести – особенно тогда, – возникает соблазн облегчить приступы за счет страданий других людей. Чаще – близких. Но ориентироваться следует только на последствия. Взвесить все риски. Учесть всю доступную информацию. Иначе вместо хорошего человека, совершившего один дурной поступок, мы получим глупого человека, совершившего два. Это ясно?

Мало что есть на свете убедительнее конторского здравого смысла. Павел Иванович кивнул. Брат поскреб ухо и закончил:

– Самая интересная штука в том, что у тебя дочек двое –

было и есть. А вот сестер их – трое. Нет, конечно, две из них о третьей не в курсе и, возможно, никогда не будут. Однако на подсознательном уровне ее отсутствие станет ими ощущаться. Совет тут простой – наплюй. Это не твои, это их дела. Только психологи в такой мистике разбираются, а может – только делают вид.

Потом он разлил по рюмкам капли рома и улыбнулся:
– За трех сестер!

* * *

Зеленеющая медь наследственных рукомоёйников душ. Как будто в ряженке воздуха мелькают заткнутые крохотными пробками баночки с лекарствами и кремами – от любой хвори, включая роды и смерть. И с каждым годом лечебных снадобий больше – как с каждым годом морщины родства завоевывают лилипутские овражки для пожилой щетины.

* * *

Где-то около года назад мы с парнями, ветеранами моей группы, решили поохотиться. Кто-то был из «заядлых», кто-то нарисовался «за компанию», а я – я исключительно по долгу командира: отслеживать неформальные мероприятия вверенных мне бойцов. Ты увязалась за нами – хозяйничать

в домике лесничего. Когда мы возвращались с трофеями, сразу заметили высокого пожилого мужчину, раздувавшего дощечкой горящие дрова в мангале. Я сразу узнал вашего с Алисой дядю, с которым находился и нахожусь до сих пор в дружеских – если с ним это в принципе возможно – отношениях.

Мы свалили добычу на влажный клеенчатый стол в еловых иголках, Худи молча приступил к разделыванию кабана двумя небольшими ножами, едва заметными в его мощных ручищах.

Козырь, Ермак, Узкий отправились за ящиками пива. А Хит отвел меня в сторону и нервно спросил:

– Это – он?

– Кто – он?

– Сам знаешь кто. Из Архива.

Я удивленно глянул на его хмурое лицо:

– Я-то знаю, конечно. Он дядя моей жены. А вот откуда ты его знаешь?

Хит, поколебавшись, буркнул:

– Кто ж полковника *Онегина* не знает.

– Те, кому не надо, – улыбнулся я в ответ. – Хит, мы не на задании, расслабься. Иди душ прими, пивка выпей. Он отличный мужик.

Видимо, мне не удалось развеять опасения своего лучшего стрелка. Прежде чем поплестись в хибару, он практически шепотом заявил себе под нос:

– Отличный, ага. Лучше на задании...

* * *

Требуха лет смеется над нами из глубины огромной миски, выкрашенной голубой небесной эмалью. Ты не подумай, не только над тобой и мной или еще кем-то в отдельности, – над всеми нами, грешными или греха избежавшими, – что, в принципе, одно и то же, если верить Августину. Бабочки надежд, капельки горя, пятна свар. «Ау! – кричим мы всегда. – Ау! Вокруг нас в конечном счете только лесной бурьян или корабельные сосны, а это значит – мы заблудились, рано или поздно, в том поколении или в следующем. Ау, ау, ау!»

* * *

Настоящим легендам положено расти как бы из ниоткуда, и легенда вашего дяди этому принципу соответствовала.

В любой организации имеются свои скелеты в шкафу, но в конторе скелетов хватило бы на еще одну контору. В обычных организациях скелеты прячут – в конторе их безнадежно пытаются не перепутать. Пресловутая болезненная страсть к засекречиванию всего и вся вызвана исключительно этим – когда сложно разобраться, что именно прятать, лучше прятать все.

А само Управление, которому поручили навести порядок с этим бардаком тайн, вываливающихся из каждой щели, засекретили настолько, что теперь уже никто толком не ведал, как появился Архив, у кого он в подчинении и чем он на самом деле занимается. Из сотрудников знали про страшного полковника Онегина (похоже, самолично выбравшего себе и звание, и фамилию) и еще нескольких его коллег, наводящих такой же ужас на конторских. Кстати, вас с Алисой никогда не удивлял тот факт, что фамилии у отца и у его брата разные. Такая, мол, у дяди служба. Хотя конкретно какая – понятия не имели. Ну и не только вы одни.

Известно, что в конторе не бывает бывших. Но пенсионеров навалом, а умерших – в разы больше. И не вырыли еще такую могилу, чтобы конторский мог унести туда все свои секреты. В связи с этим полковник любил повторять, что осиротевшие секреты опасней гранаты без чеки.

* * *

Самый громкий голос, который слышит человек, – это голос отсутствия: иногда родных мертвецов, иногда утраченных любимых, а иногда – неизвестно кого. В один из редких случаев, когда ты позвонила Алисе, ты спросила ее – нет ли у вас еще сестер, про которых вы с ней не в курсе. Та очень удивилась, сказала, что вряд ли, да и откуда? И попыталась уточнить – с чего такие вопросы странные, но ты

быстро свернула разговор. Я был рядом, заволновался за тебя. Ты и от меня отмахнулась – мол, сон странный приснился. О чем сон-то? Ты взглянула на меня, как ты умеешь, словно насквозь, но в итоге ответила – тебе снилось, как незнакомая женщина орет от злости, запершись в спальне, а потом зажимает себе рот подушкой. И ты знала, знала наверняка, как знают только во снах, что женщина – твоя сестра.

Я еще пошутил – Оля, тебе бы добрых снов побольше. На что ты усмехнулась и ответила – может, наоборот, эта сестра из сна берет на себя все ужасы, чтобы нам с Алиской поменьше досталось.

* * *

Демоны случайностей не ходят влюбленными парами, держась за руки, не собираются в семейном кругу и не выясняют отношения с друзьями, поскольку друзей у них нет. Им нравится действовать в одиночку, они для этого и созданы. Конечно, они могут ненамеренно пересечься друг с другом – как в переполненном автобусе, например. Когда таким случайным образом встречаются двое демонов – это пустяки. А вот если пятеро – серьезной беды не избежать. Впрочем, Гладуэлл прекрасно об этом написал, уже давно.

Поэтому, когда полковник приехал ко мне рано утром и рассказал, что у него стали наблюдаться проблемы со сном, я знал, что речь идет не о бессоннице. И не потому, что у лю-

дей из Архива в принципе никаких бессонниц быть не может, – могут, как у любого смертного. Хоть и редко. Но есть тысяча способов восстановить режим сна. А вот решить проблему совпадений – способов куда меньше. И все они порой не работают.

* * *

В тот день в здании пресловутого Зала заканчивалось очередное совещание вершителей судеб по особо важным расследованиям. Последнее время в моду вошло идиотское слово «штаб» – хотя к штабной работе эти совещания имели самое отдаленное отношение.

Задача штаба – подчинить все воле одной стратегии. Задача сидящих в Зале сводилась к поиску приемлемого компромисса. Голосованиями там, конечно, не занимались, но в остальном это сильно напоминало самую что ни на есть демократию – прямо в сердце конторы. И процесс был вполне отлажен, и участники процесса – будь то штатские или в погонах – знали процесс до мелочей. И поэтому терпеть не могли отклонений.

Отклонения все же возникали в случае малопонятных и малоприятных дел, по которым исчерпывающий анализ и оценка требовались в течение суток. А самым неприятным в отклонениях являлось вмешательство Архива.

И вечером той среды ничто не предвещало отклонений.

До тех пор пока в переговорную, не постучав, вошел Онегин.

* * *

– Ты завтракал? – строго спросил меня полковник, словно работал моим личным диетологом.

– Конечно! – соврал я.

Он кивнул, сделав вид, что верит. А ведь знал, точно знал, что я до полудня на кофе и сигаретах.

– Пойдем шары погоняем, – предложил он. И мы, ясное дело, отправились в мой подвал, переоборудованный под бильярдную. Типа я с утра еще изнемогал от желания кому-нибудь проиграть партеечку, а тут – такое везение!

Спустившись, сняли чехол с большого стола для русского бильярда, собрали шары в треугольник и, выбрав кии, молча согласились, что разбивать буду я – чтобы «уравнять шансы». Что я и сделал. Как умел. Хотя шансы абсолютно не поменялись.

Выбирая шар для удара, полковник сказал:

– О проблемах со сном позже расскажу. Важно, но не срочно.

Онегин обожал отвечать на вопросы, которые ему не успели задать. Он продолжил:

– Всякий раз, когда киногерой с умным видом изрекает – я не верю в случайные совпадения, – мы слышим одну из вершин идиотизма. Конечно, совпадения бывают ис-

ключительно случайные, иначе это просто еще одна причинно-следственная связь, хоть и замаскированная.

– И вам, ясное дело, раз плюнуть отличить одно от другого, – улыбнулся я.

– Вообще нет. Помогают лишь две аксиомы – совпадения происходят и совпадения происходят редко. У тебя в юности бывало, что едешь в метро по своим делам и на станции или в вагоне встречаешь приятеля?

– У всех бывало.

– Московское метро ежедневно перевозит около восьми миллионов человек. Постоянно передвигающихся в толпе на станциях и пересадках. Теория вероятности, скажем так, не в пользу подобных совпадений.

– Это точно.

– А бывало, чтоб с двумя приятелями встретился? Каждый из которых по своим делам едет?

Я призадумался.

– Нет, вроде нет.

– То-то и оно.

К этому моменту я еще не сделал следующего удара, поскольку полковник загнал уже пять шаров. Теория вероятности смеялась надо мной. А опыт подсказывал, что партия закончится всухую.

– Так что, – шутливо поинтересовался я у Онегина, – на вас совпадения напали?

– Напали.

* * *

Валентине и в голову не могло прийти, до каких размеров с годами вырастает ненависть. Не всякая, наверное. Но в ее случае – тени от крыльев ненависти закрывали собой мир. Ненависть не нуждалась в подпитке, ненависть не нуждалась в напоминаниях. Ненависти ни к чему было устраивать слезку за своим объектом. И когда изрядно постаревший объект умер при не до конца выясненных обстоятельствах, ненависти было на это наплевать.

Валентина удивлялась на саму себя – а как же лед мести и мед в сердце? Ну хотя бы злорадство? И только на похоронах мужа, приглядевшись к своему нескладному сыну, ежеминутно трогающему узкий черный галстук и одергивающему коротенький шерстяной пиджак, она вдруг поняла, что не существует какой-то отдельной, машущей крыльями ненависти. Валентина поняла, что ее длинная жизнь сама превратилась в длинную ненависть. И даже сын теперь тоже был накрыт этой огромной, вырвавшейся на волю тенью.

* * *

У тебя, Олька, все сложилось иначе. Но я знал об этом «иначе» не более, чем аукающий в лесу.

Ты любила мужчину только один раз. По-настоящему, когда от реальности не остается ничего – ничего вообще, когда лелеемая или воображаемая взаимность – либо религия, либо факт.

Ты влюбилась в этого мужчину в том же году, когда твоя единокровная сестра Валентина вышла замуж. О которой ты тоже ничего не знала – как аукающий в лесу. И в той же самой Академии – курсом старше.

Ты верила, что такая любовь – навсегда, и от страха ее потерять тут же верила, что навсегда ее быть не может.

Ты помнила, как ревность сжигала тебя изнутри на дурацком летнем пикнике курса, когда они (как же ее звали? да и хер бы с ней) вернулись вдвоем к костру от реки, о чем-то весело болтая и держась за руки.

Ты чувствовала, как радость переполнила тебя, когда вы пересеклись в коридоре учебки, и он, внезапно обернувшись, впился своими темными глазами в твои глаза и не мог вымолвить ни слова.

И когда судьба забрала все это, чтобы утопить в прошлом, как больше века тому назад пыталась утопить Виктора Хри-санфовича Кандинского в драчливых черноморских волнах на Батумском рейде, ты выжила – как и он.

Потом были другие, потом появился я.

На свадьбе Онегин, скупой на отеческие советы – в отличие от покойного ныне Павла Ивановича, – только и проворчал – надеюсь, в этот раз нашла, что хотела.

Жаль, *такое* не тонет в прошлом – оно тонет в будущем.

А тогда, в Академии, ты от него залетела и открылась только одному человеку – Кандинской. Ты рассказала старшей сестре самое для тебя важное.

Но Алисе было скучно выслушивать девичьи излияния – она просто отвела тебя поставить «колпачок» в модную клинику по совету модной подруги и велела об этом не распространяться. Потом случились осложнения, повлекшие за собой невозможность иметь детей. И ты не «распространялась» – о беременности и аборте не знал, кроме Алисы, никто – даже *он*.

Больше ты ничем и никогда с Алисой не делилась – за исключением одного раза, в ужасно далеком от тех времен нынешнем феврале, когда ледяная водка сперва обжигала мне горло, а потом утешала изнутри – хотя, цитируя классиков, «какое тут, к чертям, утешение».

* * *

Войдя в переговорную Зала, Онегин не стал тратить время на театральные паузы, формальные приветствия и запоздалые извинения. Он сразу попросил старенького генерала Титова незамедлительно удалить всех участников, за исключением одного (вернее, одной). Генерал раздраженно поморщился, но обреченно кивнул, и люди двинулись на выход.

Остались сам Титов, Онегин и Валентина, которую совсем

недавно продвинули вверх по карьерной лестнице и сделали постоянной сотрудницей Зала (это вроде кандидата с практически гарантированным правом голоса – ну, или мнения – в ближайшем будущем).

Дождавшись, пока все вышли и дверь в переговорку закрылась, Онегин сказал:

– Товарищ генерал, первым делом убедительно прошу вас прямо сейчас набрать дежурного зама в Бачурино и проинформировать, что у них есть время максимум до девяти вечера по Москве, чтобы вывезти или упрятать своих агентов в Шанхае.

Титов аж закашлялся от изумления, вытер салфеткой лоб и рявкнул:

– Полковник, может, вы потрудитесь объяснить, что происходит? Я даже не говорю о том, что указания подобного рода – прерогатива директора. Уж точно не Зала. И прежде любых указаний – передача разведанных.

Онегин был добродушен, но краток:

– Товарищ генерал, во-первых, даже я потеряю на Этажах пару часов, а время играет против нас. Во-вторых, данные не носят разведывательного характера, это мои умозаключения. В-третьих, после того как вы сделаете звонок, я сразу все объясню, и вы поймете, что Зал имеет к происходящему самое непосредственное отношение.

Канторское начальство трясло от «умозаключений» Архива. Да и в принципе, от самого слова. Титов от растерянно-

сти взглянул на Валентину, но та напоминала статую в Летнем саду.

– С чего вы взяли, что они меня не пошлют? С вашими умозаключениями?

– Вы один из замов директора, – улыбнулся Онегин, – им дороже выйдет.

Генерал смял в кулаке салфетку, вытащил из кармана пиджака телефон для спецсвязи и велел срочно соединить его с дежурным в Первом.

* * *

Они ее ласково называли – наша Валюшка-игрушка. Она была симпатичной первокурсницей из семьи кадровых военных и старалась не думать, почему эти два молодых орла, две восходящих звезды первого Управления, взяли ее в свою компанию. Авдеев и Золотарев были не разлей вода, золотая молодежь, дети начальников. Казалось, они никогда не спят – работа переходила в кутежи, кутежи – в работу. Валентина таскалась то за одним, то за другим, то за обоими, безнаказанно прогуливала занятия и восторгалась старшими товарищами – их интеллектом, их остроумием, элегантностью решений и самоуверенностью поступков. Да, и еще их распушенностью, веселой и не обидной.

Говорят, каждый помнит своего первого или свою первую. Валентина не помнила, поскольку оказалась в постели сра-

зу с обоими после очередного кутежа. Ей больше нравился Авдеев. Но когда она забеременела, орлы просто подкинули монетку – чей ребенок и кому на Валюшке-игрушке жениться. Выпало Золотареву.

* * *

Змеи, таящиеся под сердцами измен, живут долго, но кусают редко.

«Если вынуждены обороняться или охотятся», – сказала бы учительница биологии – и ошиблась бы. Царство инстинктов велико, как человеческие леса, и «неисповедимы пути архаики», как остроумно выразилась Кандинская на одной из своих лекций.

Однако, если зуб уже в щиколотке, а яд уже в крови, – в случае с этими бестиями цвета гнилой листвы можно не торопиться – ни за чашкой крепкого кофе, ни за уколом антидота. И пустой тратой времени будет изгибаться и набрасываться на собственную ранку, словно пиявка, – дабы высосать отраву. От их укусов не умирают – просто не живут как прежде.

У солнца много поклонников, и ему незачем заглядывать в те места, где его не любят.

* * *

Вряд ли Онегин знал про фокус с монеткой, что называется, в моменте. Уверен, при таком раскладе карьера обоих героев-любовников оборвалась бы еще до Валиной свадьбы – и, конечно, ни с одним из них. Да, Архив не всеведущ. Но про отношения в семье Золотарева (вернее, для него – в семье Валентины) полковник со временем был в курсе. И про монетку тоже узнал – в итоге Авдеева конторские Этажи не дождались.

Ситуация немного тревожила Онегина – хотя ответственность за личное счастье третьей племянницы перед Павлом Ивановичем ему бы и в голову брать не пришло.

Валентина прожила в браке с Золотаревым двадцать с чем-то лет, вплоть до его смерти. Ненависть к супругу и к тому, кто не стал супругом, росла одновременно с ее сыном. Знал Золотарев об этом? Скорее всего – знал. Расстраивался, обижался, злился? Ходил на сторону?

Кто ж его знает. Полковник считал релевантным только один вопрос – насколько сильно Золотарев ее боялся?

* * *

Онегин выиграл партию – я ему для этого не потребовался

– и хмуро глянул на меня:

– Не завтракал ты. Пойдем, я омлет сделаю.

На кухне он молчал, и я, против обыкновения, не справился с любопытством:

– Совпадение первое – это ваша бессонница, верно?

– Верно.

– А при чем тут она?

Полковник вздохнул:

– Видишь ли, когда у меня со сном тяжело, я стараюсь без необходимости из дома не выходить. И на похоронах Золотарева меня не было. А зря.

Я продолжил:

– Пока не понял, ну да ладно. Второе совпадение очевидно – не старый и здоровый мужик вдруг взял и умер на ровном месте. И с причинами смерти ясности нет.

Онегин буркнул, взбивая яйца:

– Есть. Они как раз в тот день в Зале получили второе заключение от медиков. Тромб оторвался. И никаких неясностей. Просто тромб. Трагическая случайность. Про третье совпадение тоже догадаешься?

– Думаю, да. Какой-то умник по кадрам продвинул Валентину в Зал. Сравнительно недавно. И Золотарев начал бояться всерьез – с этой позиции она могла его крепко подставить. Нешуточно. Когда момент подходящий наступит.

Онегин добавил молока в кастрюльку с яйцами, нарезал туда лука и вылил содержимое на раскаленную сковороду,

политую оливковым маслом. Будущий завтрак приятно зашипел. Теперь он начал говорить медленнее – верный признак близящейся концовки. Он словно проверял ход своих рассуждений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.